

Безымянный

Двойники Крестного

Гладиатор

Безымянный
Двойники Крестного

«Научная книга»

Безымянный

Двойники Крестного / Безымянный — «Научная книга»,
— (Гладиатор)

Содержание

Глава первая.	5
Глава вторая.	15
Глава третья.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Автор неизвестный

Двойники Крестного

Глава первая.

...Иван даже не предполагал, что ему так легко удастся убить Крестного.

Тот вошел в бар, где Иван сидел, положив пистолет на стол и прикрыв его газетой. Крестный его не узнал, – на улице ярко светило солнце, а Иван сидел в самом темном углу бара.

Крестный кивнул официанту, нырнул за стойку и прошел узким коридорчиком в уединенный кабинет, скрытый от глаз случайных посетителей.

«Все! – подумал Иван. – Он мой!»

Он вспомнил, как мучительно решал вопрос – как ему найти в многомиллионном городе одного человека, который не хочет, чтобы его нашли.

Мозг Ивана работал тогда как машина, не отвлекаясь ни на какие личные чувства, ни на какие посторонние ощущения – его занимала одна проблема – разыскать в Москве Крестного и убить его. Все его существование сейчас было подчинено этой единственной цели.

Сутки после разговора с генералом Никитиным Иван лежал в своем номере гостиницы «Останкино» и думал о человеке, сначала занявшем столь важное место в его жизни, а потом разрушившего эту жизнь.

Когда Иван вернулся из Чечни, уничтожив для себя эту страну и населяющий ее народ, победив в своей войне с Чечней, в Москве Крестный стал единственным человеком, который если и не понимал до конца особое, ритуально-наркотическое отношение Ивана к Смерти, был близок к этому пониманию. Вернее сказать – головой Крестный понимал сладострастный трепет, который испытывал Иван, убивая человека, но принять для себя его не мог, поскольку панически боялся смерти. Крестный не мог убивать людей, в их смерти он всегда видел отражение его собственной будущей смерти и каждый раз, когда ему все же приходилось кого-то убить, он жестоко страдал от нервного расстройства.

Это случалось крайне редко – за всю жизнь Крестный своими руками убил всего двоих-троих, зато по его приказу людей убивали десятками. Крестный был самым крупным в Москве, да, пожалуй, и в России исполнителем, он принимал заказы любого уровня и держал целую свору киллеров, которые делали непосредственную работу.

Иван выполнял поручения высшей сложности, которые кроме него никто не мог бы успешно выполнить. Например, ликвидировать директора банка, которого охраняли, как зеницу ока, или – кандидата в президенты, бывшего премьер-министра Белоглазова... Если Иван получал приказ убить определенного человека, можно было уже считать, что этот человек мертв... Поэтому понятна тревога Крестного за свою жизнь, едва он понял, что его план натравить Ивана на ФСБ и подставить Никитина, не удался. Крестного спасало пока лишь то, что Иван не знал где он находится... Но долго ли ему удастся прятаться от Ивана?

Трясло Крестного и в последний раз, когда он убрал со своего пути женщину, вставшую между ним и Иваном – эту московскую шлюху Надьку, сумевшую оживить отмороженную в Чечне душу Ивана. Крестный буквально размазал ее по восемнадцатому этажу высоты на площади Восстания, который он взорвал, воспользовавшись самоуверенностью и расслабленностью Ивана, увлеченного своей женщиной.

Иван не вспоминал свою Надежду. Воспоминания о ней умерли вместе с ней самой. Как умерла и возможность того, что ему удастся пережить когда-нибудь то, что он пережил с Надей, с другой женщиной.

«У меня есть только одна женщина, – думал Иван – Смерть. Она любит меня таким, какой я есть, не требуя от меня, чтобы я изменился сам или изменил что-то в жизни... Крестный посягнул на мои отношения со Смертью. Он решил, что имеет право решать – что нужно Смерти от меня и принес в жертву ей Надю... Теперь моя женщина требует, чтобы я смыл оскорбление, нанесенное ей этим выжившим из ума стариком... Смерть не хотела брать Надю, Крестный заставил ее принять эту женщину... Он пошел против воли смерти, против моей воли, он, фактически, изнасиловал Смерть – унизил и оскорбил ее.»

Сам Иван никогда не подвергал Смерть насилию, не навязывал ей ненужных ей людей. Он обострившимся за время чеченского плена и блужданий по жестокой земле Ичкерии звериным чутьем улавливал особый запах, исходивший от человека, которого он, Иван, должен будет убить. Так собаки чувствуют человека, который их боится. Может быть, это запах страха? Этого Иван не знал.

Но Иван знал, что смерть нужно любить, чтобы она любила тебя тоже и заботилась о тебе. Слиться с нею и раствориться в ней было самым острым, самым настоящим его желанием, но сам он не мог сделать ни одного шага к тому, чтобы это желание исполнить. Все решала сама Смерть... Это время когда-нибудь настанет, и Иван сольется с нею в сладострастном порыве, но сейчас этого просто не может произойти. сейчас смерти нанесено позорное оскорбление, и человек, совершивший это – должен умереть. И рано или поздно, он обязательно умрет.

Эти мысли, которыми Иван мучался целые сутки, расставшись с генералом, руководившим ФСБ и договорившись с тем не мешать друг другу в охоте за Крестным, означали, фактически, окончательный приговор Крестному. Пока речь шла о деньгах, о предательстве, о женщинах, о дружбе, Иван мог бы все простить Крестному, мог забыть об обидах, ему нанесенных, но когда Крестный встал между ним и самой Смертью. Теперь он будет просто уничтожен. И все.

Иван припомнил разговор с Никитиным. У того были какие-то свои счета с Крестным, которого тот знал долгие годы. Иван понял гораздо больше, чем сказал Никитин. Интуиция работала у Ивана не хуже, чем голова у заместителя Никитина, талантливого аналитика Герасимова, распутавшего узел, в который завязал Крестный все ниточки, связывающие Ивана, Никитина, Надю и его самого Крестного. Но расчеты Крестного не оправдались, Иван и Никитин сумели разобраться во всем и понять друг друга. Ни о каком, конечно, договоре между ними – генералом ФСБ и киллером – речи быть не могло, но каждый из них пообещал другому не убивать друг друга, пока жив Крестный.

Никитин очень хочет отомстить Крестному за то, что тот предал его очень давно, в одной из стран, где они вместе работали в системе нашей внешней разведки, кажется, в Сальвадоре. Это Иван понял, но главное, что он понял, – это тайный внутренний импульс, который питает ненависть Никитина к Крестному.

Никитин, преданный Крестным, перестал верить людям, верить в дружбу, верить женщинам. Иван знал, что генерал живет один, семьей он так и не смог создать... Крестный разрушил его представление о мире, который основан на дружбе и верности. У Ивана были какие-то смутные воспоминания, что подобный мир когда-то существовал... И то он не был уверен, что мир этот существовал на самом деле, а не в чем-то воображении, подобно острову Утопия, созданному больной фантазией Томаса Мора.

Впрочем, усмехнулся Иван, Никитину, с другой стороны, грех жаловаться на своего бывшего друга – не будь в его жизни этого предательства, Никитин никогда не стал бы во главе ФСБ. Нужно иметь особый психологический клад, чтобы влезть на вершину этой пирамиды именно, в этом и помог Никитину Крестный, подставивший своего друга когда-то в Сальвадоре.

От Никитина мысли Ивана вновь вернулись к Крестному... Расставшись с Никитиным и сбросив с хвоста прицепившегося было Герасимова, Иван бросился на квартиру, где совсем

недавно виделся с Крестным, но того уже не обнаружил. Разъяренный Иван, кажется, убил несколько человек, попавшихся под руку. Это, конечно, зря! С Никитиным было условлено — генерал не трогает Ивана, если тот не убивает никого, кроме Крестного.

Да, зря! Но разве знаешь, когда она неожиданно приблизится плотную, прожмется к тебе своими сосками, потрется о тебя своим лобком, и обожжет тебя своим обжигающим дыханием — смерть, которую ты так легко даришь другим людям... Людям, которых ты убил в Чечне. Людям, которых убил в Москве по просьбе Крестного. Именно — по просьбе, Ивану Крестный не смел приказывать. И даже о деньгах у них разговор никогда не шел, Крестный просто переводил на его счет сумму, которую определял сам. Иван не проверял даже — много ли платил ему Крестный. А сам Крестный никогда не пользовался этой апатией Ивана к деньгам — всегда платил очень щедро и на Иване не экономил. Ну, так и работал Иван — как никто другой, — виртуозно!

О чем бы не начал думать Иван, его мысли так или иначе возвращались к ненавистному имени — Крестный. Его Иван найдет обязательно. Это было единственное желание, еще оставшееся в нем. Желание, разгоравшееся все сильнее и сильнее и превращавшееся в источник энергии, в двигатель его жизни. Если и стоит продолжать свое существование, то только для того, чтобы найти Крестного и убить его, стереть с лица земли.

Иван клялся самому себе в том, что найдет Крестного, чего бы это ему ни стоило, и убьет его. А потом — убьет Никитина и всех, кто встанет у него на пути. Куда ведет этот путь, он не мог даже предположить, но это его и не интересовало. Для Ивана было достаточно того, что это путь в неизвестность.

Вспомнилась квартира на восемнадцатом этаже высотки на площади Восстания, где Иван прожил несколько дней с Надей. Саму Надю он не вспоминал, она просто существовала в его памяти, как какой-то сгусток тепла и ласки, как что-то материнское и уже далекое, хотя и приятное. Квартира вспоминалась отчетливо. В ней Иван провел немало одиноких мучительных часов еще до Нади, когда лежал на стареньком диванчике неподвижно и погружался в воспоминания о Чечне. А в открытое окно гораздо отчетливее, чем шум спешащих по Баррикадной машин, доносились крики из расположенного рядом зоопарка. Днем кричали, в основном, павианы и слоны... А по ночам, — гиены и медведи-гризли.

Иван резко поднялся с пружинной гостиничной кровати дешевого номера, в котором жил и сел, тупо уставившись в стену. Он понял, где нужно искать Крестного. Время от времени Иван с Крестным встречались в маленьком баре-ресторанчике, работавшем круглосуточно. Крестному принадлежала на Арбате целая сеть таких крохотных забегаловок, он не брезговал никаким доходом.

Но тот бар Иван запомнил особенно. Его главным достоинством были два уединенных кабинета, о которых мало кто знал, кроме самых проверенных постоянных посетителей. Там можно было спокойно «ширнуться», трахнуть свою подружку или своего друга, если кому приспичило, можно было и серьезно поговорить, не опасаясь быть услышанным посторонними ушами. Это было одно из немногих в Москве мест, где у стен ушей нет.

Обслуживал эти залы какой-то мрачный верзила с пустым взглядом из-под мохнатых бровей. Едва увидя его, Иван вспомнил великана по прозвищу «Гризли» из своего взвода в Чечне — непонятной национальности, заросшего до такой степени, что глаза только видно было, вечно мрачного и молчаливого. Про него рассказывали, что он голыми руками может отрывать головы чеченцам: садится им на плечи, фиксирует ногами туловище, вытягивает голову жертвы вверх, растягивая шейные позвонки, затем делает четыре оборота в одну сторону и резко дергает вверх. И головы, будто бы, отрываются. Сам Иван, правда, ни разу этого не видел и до конца не верил этим рассказам.

Официант, которого Иван сделал тезкой своего бывшего бойца, был глухонемой. Крестный рассказывал, что когда-то давно он наступал на одного из его людей. Его хотели шлепнуть,

прямо там же, в одном из кабинетиков, поскольку разборка происходила в этом самом баре. Но Крестный посоветовал оставить его в этом баре работать. Ему только отрезали язык и проткнули барабанные перепонки. Все это произошло лет пять назад.

Иван вспомнил, как Крестный говорил ему, что это самое подходящее во всей Москве место для всякого рода конфиденциальных встреч и разговоров, когда совершенно не нужны лишние глаза и уши... Ну, насчет всей Москвы он, конечно, как обычно, преувеличил, но место было, действительно, совершенно безлюдное.

«Крестный вполне может оказать там, – решил Иван. – В крайнем случае, его можно будет там подождать... Он обязательно там появится – рано или поздно... Это самое любимое его место.»

...Крестный вошел в бар, где Иван расположился в самом темном углу за столиком, положив на него хорошо пристрелянную «берету» и небрежно бросив на нее газету. Иван рассчитывал на то, что на улице солнечная погода, заходящее солнце слепит глаза и при резкой смене освещения Крестный не сумеет разглядеть Ивана и не узнает его. Так и случилось, как предполагал Иван.

Кивнув официанту, Крестный нырнул за стойку и прошел узким коридорчиком в уединенный кабинет, скрытый от глаз случайных посетителей. Иван не раз сидел в этом кабинетике с Крестным вдвоем.

«Все! – подумал Иван. – Он мой! Теперь ему некуда деться!»

Газету с пистолетом Иван сунул под мышку и направился к стойке.

Гризли, который один выполнял работу и официанта и бармена взглянул на него вопросительно, но как-то слишком настороженно. Может быть, он заметил пистолет под газетой на столе?

– Поставь что-нибудь старое... – сказал ему Иван ткнул пальцем в укрепленный слева над стойкой музыкальный центр.

Гризли, понимавший, что говорит его собеседник, по движению губ, поставил перед Иваном небольшую коробку с лазерными дисками. Их было десятка четыре... Выбирай, мол, сам, что тебе нравится.

Иван сразу нашел, что ему нужно, – Deep Purple «Black Night» – пододвинул Гризли диск, показал пальцем название композиции. Маленький зал бара наполнился ритмичным грохотом.

Иван показал пальцем на бутылку гаванского рома, стоящую в ряду разноцветного изобилия спиртного на полках за стойкой. Гризли снял ее с полки и поставил на стойку перед Иваном. Иван показал ему два пальца, – еще, мол, нужна одна бутылка.

Гризли мрачно взглянул на него исподлобья и нагнулся, чтобы достать еще одну бутылку из шкафа под полкой, в котором хранился у него запас. Третья за последние пять минут бутылка гаванского рома его несколько удивила. Так и весь запас сегодня разойдется. Будет время, нужно будет сбегать через дорогу, купить еще пару бутылок у соседей, вдруг потребуются еще.

Иван вытащил из газеты свою «беретту» с глушителем и выстрелил ему в затылок. Гризли качнулся вперед, потом завалился на бок и упал головой вниз на пол за стойкой... Перед выстрелом он сидел на корточках, ноги так и остались поджатыми. Этого, собственно, и добивался Иван, – стойка была довольно короткая, и если бы Гризли лежал за ней во весь рост, вытянув во всю длину ноги, они непременно вылезли бы в проход.

Иван взял бутылку со стойки и оглянулся... Молодая пара, целующаяся за вторым столиком, и целиком занятая собой, не обратила никакого внимания на приглушенный звук выстрела, который совершенно растворился в жесткой пульсирующей акустике дипёловской «Черной ночи». Иван вспомнил, что это сингловая версия композиции, длина ее три минуты двадцать восемь секунд. Прошло пока не больше тридцати секунд. Времени еще вполне достаточно. Можно не торопиться и действовать спокойно.

Он обошел стойку и скрылся в узком коридорчике, который вел в кабинет, где сидел Крестный. Иван знал, что Крестный сопротивляться не будет, он же прекрасно понимает, что это совершенно бесполезно. У Крестного есть только одно оружие, которым он владеет в совершенстве и которым он может победить Ивана – это его болтливый лживый старческий язык... Нет, говорить ему Иван уж точно – не разрешит. Крестный умрет молча. Он и так достаточно поговорил в своей долгой жизни. Уже слишком долгой, чтобы позволить ей продолжаться и дальше.

Иван отшвырнул ногой приоткрытую дверь в маленький кабинетик, рассчитанный на два человека. Крестный сидел в нем один.

На Ивана он поднял взгляд полный нем столько испуга, сколько удивления... Во рту у Крестного торчал порядочных размеров кусок жареного мяса, который он держал обеими руками и зубами пытался оторвать от него кусочек поменьше. По рукам стекал жир.

– У тебя есть последнее желание, Крестный, – сказал ему Иван. – Но я его знаю... Можешь не стыдиться его. Какие счета между друзьями!

Он открыл длинную бутылку гаванского рома и поставил ее на стол перед растерявшимся Крестным. Показал на нее глазами.

– Пей!

– Но... – начал тот.

– Молчать! – резко, повелительно крикнул Иван и вновь вытащил из помятых «Известий» «беретту», на спусковом крючке которой лежал его указательный палец. – Еще звук, и я стреляю до того, как ты осуществишь свое последнее желание. Оно так и останется неисполненным. Ты будешь очень жалеть об этом.

Крестный тут же захлопнул рот с каким-то очень странным звуком, словно внутри он был полый и совсем пустой, как резиновый мяч или пластмассовая кукла, сделанная в натуральную величину.

– Пей! – приказал Иван. – Пока пьешь – будешь жить. Это я тебе гарантирую... Но не дольше. Это я тебе тоже – обещаю.

Крестный послушно схватил длинную бутылку и сделал несколько жадных больших глотков. Ром громко булькал в его горле.

«Бойтся, – с удовлетворением отметил Иван. – Правильно делает... Чувствует, что пьет свой поганый ром в последний раз в жизни.»

Крестный оторвал на секунду губы от горлышка бутылки, шумно переводя дыхание, словно ром никак не хотел в его лезть.

– Пей! – тут же приказал ему угрожающе Иван и красноречиво наставил на него ствол своей «беретты». – Пей, гад!

Тот снова покорно присосался к длинной и узкой бутылке. Выпив из нее всего две трети, он сильно закашлялся и пробормотал:

– Не могу больше...

«Так пересрал, что свой любимый ром пить не может», – подумал Иван с некоторым удивлением. Гаванский ром Крестный обычно мог пить литрами, почти не закусывая и не пьянея при этом.

– Открой рот, у меня есть хорошая закуска для твоего любимого гаванского рома, – сказал Иван, глядя на Крестного с ненавистью.

Крестный покорно раскрыл рот и смотрел на Ивана испуганными глазами.

Не так, совсем не так всю эту сцену представлял себе Иван. Крестный должен был бороться с Иваном за свою жизнь, висющую на волоске. А он был слишком покорным, слишком легко Иван сломил его сопротивление, его цепкое желание жить... Да и сопротивления никакого, по сути, и не было. Так, робкий протест.

Иван выстрелил ему прямо в его лживый рот, выбив пулей два верхних резца и успел заметить, как полетели в сторону осколки от зубов. Крестный резко качнулся назад, хрипло замычал что-то неразборчивое и заскреб руками по столику, сбивая с него блюдо с закуской, пепельницу, рюмки и прочую мелочь.

Иван выстрелил второй раз, закрыв пулей выпученный левый глаз Крестного и прислушался... В зале гремела «Черная ночь».

«Еще минута до конца композиции. Отлично! Времени у меня – навалом!» – определил Иван и спокойно двинулся к выходу.

Парочка в зале все еще целовалась и не обращала никакого внимания на происходящее вокруг. Девчонка уже сидела широко расставив ноги и постанывая, руки ее кавалера блуждали по ее грудям и шарили под юбкой.

«Этих вряд ли теперь чем-нибудь отвлечешь от их столь увлекательного занятия! – подумал Иван. – А это что еще за чучело?»

Перед стойкой стоял пьяный парень и упрямо пытался достать рукой через стойку лежащего на полу Гризли, хотя ясно было, что сделать это ему не удастся.

«Черная ночь» оборвалась резкой тишиной. Этим тут же воспользовался пьяный парень. Он вновь перегнулся через стойку.

– Ей ты! Пьяница, – бормотал он непослушным заплетающимся языком, – Я тоже выпить хочу! Налей мне сотку, пьяная свинья.

Гризли не отвечал, уткнувшись носом под раковину... Густая шевелюра скрывала небольшое входное отверстие в его затылке. Что он мог ответить? Каково там, куда его только что отправил Иван?

Тишина взорвалась жесткими выражениями композиции «Speed King». Пьяный парень нашарил на стойке начатую бутылку водки, вцепился в нее, поднял к глазам, внимательно рассмотрел этикетку, удовлетворенно кивнул и пошел, покачиваясь, ко второму столику. Он плюхнулся на стул и задергал головой в такт с ритмом «Короля скорости». Музыка, очевидно, соответствовала его настроению.

«У меня есть пять минут сорок девять секунд, – удовлетворенно подумал Иван. – Пока не кончится „Король скорости“, вряд ли кто-нибудь обнаружит за стойкой труп Гризли... Все в баре слишком заняты своими делами. Разве что случайно кто-нибудь заскочит. Но это – вряд ли, народа туда немного ходит... Пять минут – достаточно для того, чтобы без следа раствориться в вечерней Москве. Мне этого времени вполне хватит.»

Он спокойно вышел из бара, не торопясь прошел до пересечения Арбата с улицей Вахтангова и через три минуты уже набирал номер дежурного в управлении Федеральной Службы Безопасности, сообщенный ему покойным теперь уже Крестным, еще когда они вместе столь удачно охотились за генералом Никитиным.

«Пусть Никитин утрется, – думал Иван нажимая кнопки на таксофоне. – Я первым добрался до Крестного, и теперь наше перемирие, слава богу, окончено... Мне дела нет до этого долбанного генерала, но раз он обещал, что после Крестного начнет охотиться за мной, пусть остережется, как бы ему не отправиться за Крестным вслед. Причем – ускоренным этапом. Уж я об этом хорошо позабочусь. Обслужу его без всякой очереди.

– Дежурный управления ФСБ слушает! – раздался в трубке бодрый, но совершенно бестолковый, как показалось Ивану голос дежурного офицера.

– Передай своему Никитину, – сказал Иван, – что через полчаса ему будет звонить Марьев... Он хорошо знает, кто я.

– Какому Никитину? – совершенно глупо переспросил растерявшийся дежурный, мог бы и догадаться, что у них там, Никитиных – пруд пруди? – Генералу Никитину? Вы его имеете в виду?

«Я тебя имею в виду, придурок!» – раздраженно подумал Иван.

– И не пытайтесь меня вычислить, козлы ментовские! – добавил разозлившийся вдруг Иван, не обращая внимания на растерянную фразу дежурного по управлению. – Все! Конец связи.

Он быстро повесил трубку на рычаг и торопливо прошел на станцию метро Арбатскую... На Никитина работают профессионалы, это Иван знал хорошо и не хотел оставлять никаких зацепок для того, чтобы люди Никитина его могли вычислить и проследить его путь от Арбата до телефона, чем меньше оставляешь после себя следов и вообще, всякой информации, тем лучше. Это был один из главных методологических принципов работы Ивана.

Через полчаса он был уже на Комсомольской площади и без труда нашел то, что ему нужно. Долго искать, собственно говоря, и не пришлось. Самоуверенный толстячок в кожаной куртке сидел в девятке, припаркованной недалеко от Ярославского вокзала, и покуривал, кого-то или чего-то дожидаясь. Откуда ему было знать, что дождался он небольшого приключения на свою задницу? Из нагрудного кармана куртки выглядывала короткая антенна сотового телефона. Именно то, что и искал Иван.

Иван наклонился к узкой щели в едва приоткрытом окне машины и тихо спросил водителя, который покосился на него из салона:

– Командир, огоньку не найдется?

Толстячок небрежным ленивым жестом достал из кармана зажигалку и слегка приспустил пониже оконное стекло, чтобы передать ее Ивану. Иван прикинул, что этого вполне достаточно, чтобы удар получился нужной силы и резким ударом костяшек указательного и среднего пальцев левой руки в переносицу вырубил беспечного толстячка. Тот обмяк и сполз на сидении. Иван протянул руку в окно и вытащил у него из кармана сотовик. Набрал тот же самый номер дежурного по фээсбэшному управлению.

– Я Никитину разговор заказывал, – сказал он без всяких предисловий, набрав номер. – Больше трех минут я разговаривать не могу, очередь к автомату стоит, волнуется, всем звонить надо.

Иван специально сказал, что собирается разговаривать три минуты, не больше, зная наверняка, что фээсбэшники тут же бросятся его пеленговать и устанавливать его местонахождение. За три минуты с возможностями ФСБ это вполне реально... На самом деле он не собирался трепаться с Никитиным так долго.

– Я слушаю тебя, Иван, – услышал он голос уверенный голос генерала. – Что звонишь? Хочешь расписаться в том, что мы тебя обскакали?

Иван не понял, о чем это говорит генерал. Но и понимать особенно не хотел. Ему нужно было только поставить последнюю точку в только что завершенном им деле Крестного, в котором он был крепко завязан вместе с генералом Никитиным в одной связке.

– Минут сорок назад я убил Крестного, на Арбате, в его баре, – сказал Иван генералу злорадно, чувствуя свое превосходство над ним, руководящим могущественной и многочисленной структурой. – Пришли своих людей, чтобы удостовериться, что я не блефую. Я наш разговор помню. Следующий – ты, Никитин.

– Позволь, позволь, Ваня, – заволновался Никитин. – Крестного мы сами застрелили еще вчера, когда брали его у высотки на площади Восстания. Он, видите ли, пришел посмотреть на место происшествия, скотина. Полюбоваться на дело рук своих. Ошибка начинающих и маразматиков... Видно, – в маразм впал. Но живым не дался, пришлось пристрелить... Так что ты, Ваня, наверное, по ошибке кого-то другого уделал, извини уж.

Холодок беспокойства, какой-то неуверенности в себе, в том, что он делает, прополз у Ивана по спине между лопаток.

– Ты мне зубы не заговаривай, мент драный, – Ивана злила тупая уверенность и безапелляционность, которая звучала в словах Никитина... – Крестного я убрал, на Арбате, понял?

Иван беспокойно оглянулся. Что-то не понравилось ему в движении машин по площади, слишком медленно они ехали, хотя дорога была свободна, слишком внимательно смотрели по сторонам люди, которые в них сидели.

– Перезвоню минут через десять, – буркнул Иван в трубку и бросил сотовик в открытое окно машины, на колени бесчувственному толстячку, а сам скрылся в здании вокзала, смешавшись с толпой спешащих на посадку только что объявленного поезда, пассажиров.

Через десять минут он звонил Никитину уже из здания Казанского вокзала, из обычного таксофона в каком-то подземном зале рядом с туалетами и камерой хранения. На длинной стене висели штук тридцать таксофонов и все были свободны. Иван подошел к среднему и говорил не опасаясь, что кто-нибудь случайно услышит.

Десяти минут Ивану хватило, чтобы осмыслить то, что сказал ему Никитин. Ему сразу же вспомнились все несоразности в поведение того человека, которого он принял за Крестного.

Во-первых, он не узнал Ивана, когда вошел в бар, а этого прежде никогда не случалось. На Ивана Крестный всегда реагировал четко и сразу, словно улавливая его запах или каким-то еще неизвестным Ивану чувством определяя его присутствие рядом с собой. Сейчас же Иван хотел быть неузнанным и поэтому ошибся: его не просто не узнал этот человек, он Ивана не узнал только потому, что не знал совсем, впервые видел.

Во-вторых, Крестный никогда не стал бы кивать, приветствуя Гризли, Он здоровался с глухонемым официантом глазами. Это было и целесообразно – делая знак официанту, Крестный был уверен, что тот его уже видит, – и в то же время соответствовало распределению ролей – Крестный никогда бы не опустился до того, чтобы привлекать к себе внимание официанта, унижаться даже до такого формального общения с ним. Иван знал насколько наигран и показушен демократизм Крестного.. он только играет в добродушного старичка, любящего общаться с «народом», с обычными москвичами, жить их жизнью. В гробу он видел их жизнь и их проблемы. Знает Иван, о какой жизни мечтает Крестный, рассказывал тот однажды в порыве откровенности.

Узнавать хозяина мгновенно – прямая обязанность персонала заведения. Тот, кто этого не усваивает, больше суток не работает. Не можешь служить – не иди в слуги! Служишь – знай хозяина! Мудрость простая, Иван ее хорошо понимал, хотя к нему она не имела абсолютно никакого отношения. У него хозяина никогда не было и не будет... Даже в Чечне, когда его держал на цепи бородатый черный чеченец-любитель заключать пари во время кулачного боя двух пленных русских солдат, даже он тогда не был для Ивана хозяином... Тот чеченец был враг, которому временно удалось одержать над Иваном победу, он просто оказался хитрее, ловчее и изобретательнее Ивана, попавшего в плен по своей неосторожности и усталости. Но хозяина над Иваном еще не было никогда! И никогда теперь не будет!

Иван заскрипел зубами. Ему стало стыдно перед самим собой, что он так дешево лопухнулся. Забыл, с кем он имеет дело! Забыл, насколько изворотлив, насколько искусен в обмане Крестный.

Он вспомнил еще несколько таких мелочей и теперь уже не сомневался, что убил совсем не того человека. Тот, в баре, только похож был на Крестного, но это был вовсе не сам Крестный.

Еще одна ошибка Ивана была в том, что он не разрешил этому мудаку разговаривать. Всего через пару фраз он понял бы, что это не Крестный.

И ром он не смог выпить, хотя там было всего-то 0,7 литра. Крестный этого гаванского рома может выпить не меньше литра и только после этого начинает закусывать, привык на Кубе, он сам рассказывал Ивану, что его учил пить ром Рауль Кастро.

И он не стал бы набрасываться на мясо! Да-да, перед тем уродом, которого застрелил Иван, на столе лежал большущий кусок чего-то такого хорошо прожаренного со сложным гарниром, как вспомнил Иван теперь. А Крестный был приверженцем «народно-демократиче-

ского стиля в гастрономии», как он сам выражался, – селедочка, огурчики. Впрочем, иногда и он позволял себе стать на некоторое время гурманом и обжорой, особенно в одиночестве, когда никто за ним не наблюдал. Но ведь в кабинете Крестный был именно совершенно один. Нет, то, что он ел мясо и еще что-то там экзотически-гастрономическое, ни о чем не говорит.

А вот самое главное, – Крестный не был бы так покорен и исполнителен как этот проглотивший язык после приказа Ивана и, наверное, уже наложивший себе в штаны придурок в баре. Крестный умеет сопротивляться, умеет бороться за жизнь, пусть в руках у него нет силы, а в кармане – пистолета. Он сопротивляется в любых обстоятельствах, – не физически, а психологически, причем иной раз гораздо эффективнее, чем если бы он отстреливался из пулемета... Переломить это сопротивление очень трудно, это Иван знал прекрасно. Не раз на себе испытал.

Иван с досадой ударил себя кулаком по ладони. Старый лис опять провел его, как зеленого сопляка! А сам ушел и хихикает сейчас над ним, Иваном! Впрочем и над Никитиным – тоже, того он без всякого сомнения обманул, так же как и Ивана.

Подставил какого-то лоха, которого уговорил одеться так же как одевается он, Крестный... Никитин лажанулся точно так же, как Иван, в этом нет никакого сомнения. Осталось только его с этим поздравить.

– Никитин? – спросил Иван едва кто-то снял трубку на другом конце телефонной линии.

Иван вновь набирал номер дежурного по управлению ФСБ, но уже не представлялся и не никого не просил приглашать. Он сделал это один раз и этого вполне достаточно, считал он. Если Никитин заинтересован в разговоре с Иваном, он от телефона не отойдет и сам будет снимать трубочку вместо дежурного.

И не дожидаясь ответа, добавил голосом тихим, но убедительным, в котором слышалась уверенность человека, сделавшего вывод совершенно самостоятельно и предлагавшего другому сделать то же самое:

– Ослы мы с тобой Никитин...

– Согласен, Иван, – сказал в ответ голос генерала Никитина, он снова был на связи, потому, что ждал этого звонка.

За десять минут Никитин тоже успел сообразить, сам ли, или с помощью своего аналитика Герасимова, что Крестный обманул их обоих. Он, словно осьминог, оставил вместо себя обманку, а сам тихо удрал и растворился в полной неизвестности.

– Выбываемся друг перед другом, – продолжал Никитин, ему уже вовсе не хотелось разговаривать с Иваном, не любил он признаваться в ошибках перед профессионалами, но нужно было поддерживать контакт, чтобы не потерять Ивана в Москве бесследно, так, как сейчас потеряли Крестного.

– А дело не сделали... – завершил фразу генерал Никитин.

– Крестный все еще жив, Никитин, – глухо сказал Иван в трубку телефона. – Я пристрелил в баре на Арбате его двойника.

– Мы тоже убрали подставку, Иван. Тоже, оказывается, двойник. И сколько их всего у него – неизвестно, – добавил несколько обескураженным тоном Никитин, ему пришлось признаться перед Иваном в своем промахе. – Следующий раз, Ваня, ты умой его сначала, чтобы косметику смыть, рассмотри его хорошенько, со всех сторон, поговори с ним, чтобы убедиться, что – настоящий, а потом уже башку ему дырявь или горло перекусывай.

– Крестный – мой, Никитин! – сказал Иван. – ... И я найду его, Никитин!.. Найду. Можешь даже не пытаться перебегать мне дорогу. Это тебе ничего не даст! Я все равно найду его раньше тебя! Все!

Иван опустил трубку на рычаг и не оглядываясь, смешался с потоком москвичей и гостей столицы, как именуют московский народ в местах расположенных близко от вокзалов, аэропортов и крупных универмагов.

Он двинулся влево от вокзала, обошел площадь и не спеша направился в сторону Садового кольца.

У Ярославского вокзала, возле машины с толстяком, стояли две шестерки и опель-кадет. Толстячок, видно, еще не пришел в себя, так как Иван разглядел в машине белый халат врача.

Два придурка в штатском совершенно ментовского вида торчали около девятки, озирались по сторонам и не знали, куда им девать свои руки.

«В карманы суньте! – мысленно съязвил Иван. – Яйца заодно почешете.»

Хоть Иван и смеялся над неуклюжестью фээсбэшников, не умеющих принимать окраску и темп, ритм и даже запах окружающей среды, как умел это Иван, он не мог не отметить, что у Ярославского вокзала они появились очень быстро... Ничего не скажешь – оперативно работают ребята, но так дешево Ивана не взять.

Впустую проехали. Размялись только никитинские ребята, жеребцы стоялые. Ну, да им же самим на пользу.

«Я все равно найду Крестного первым! – вновь мрачно подумал Иван, вспомнив о фээсбэшном генерале, как досадной помехе в очень трудном и ответственном деле. – Найду и убью...»

Охота на Крестного только начиналась. Начиналась заново... И продолжаться она будет до тех пор, пока однажды не закончится его смертью.

Глава вторая.

Иван бросился на поиски Крестного. Бросился, не думая, движимый только целью – смертью Крестного, которую ему не терпелось приблизить.

Он не мог рассуждать логически – просчитывать варианты поведения Крестного, понимать логику его поступков, направленность его желаний... Иван торопился добраться до этого ненавистного ему человека и делал ошибки, которые никогда не сделал бы, если бы спокойно настроился на Крестного, на его ликвидацию, как делал это всегда, получая координаты очередного объекта, который нужно было убрать. Внутренне настроившись на человека, Иван действовал безошибочно, безукоризненно.

Сейчас Иван был методичен и бездумен, словно райотделовская уголовка. Он прочесывал все места, где мог появиться Крестный, где он когда-либо бывал с ним или знал что Крестный может там появиться.

У дома, где жила Надя, недалеко от метро Октябрьская, Ивану вновь повезло. Он бродил там уже битых часа три, прочесывая всевозможные закоулки, сам не понимая, зачем это делает.

На остром углу Мароновского и Второго Бабьегородского переулков его чуть не сбила черная «Волга», едва успевшая затормозить в метре от него. Сквозь лобовое стекло Иван увидел судорожно вцепившегося в рулевое колесо... самого Крестного!

Три секунды спустя в лобовом стекле красовались три дырки от пуль, выпущенных из ивановой «беретты», а сам он, перемахнув ограду какого-то скверика, уходил в сторону Крымского вала... Он видел, как качнулась назад голова Крестного, когда первая пуля вошла ему точно между редких старческих бровей. Одного выстрела было достаточно, но Иван не мог удержаться, чтобы не выстрелить еще дважды – в каждый из ненавистных ему глаз.

Дойдя до парка, Иван спокойно огляделся и удостоверился, что его никто не преследует.

Странно, но удовлетворения он не испытывал. У него вовсе не было уверенности, что он опять, и на этот раз, не ошибся.

Больше всего его смущало то, что Крестный никогда не ездил на «Волге». Само слово «Волга» его раздражало... Что-то личное было связано у него с этим словом, или с этой рекой, Иван не знал подробностей, родом, что ли Крестный был откуда-то с Волги. Даже «Жигули» он использовал только в случае крайней необходимости, когда нужно было соблюсти конспирацию, затеряться... «Жигули» – самая демократическая машина в России, а Крестный любит подстраиваться под «народ».

Еще Ивана беспокоило, что машина не сбила его, а затормозила, резко взвизгнув тормозами пере самым его носом. Крестный не упустил бы такой возможности, он обязательно сбил бы Ивана, понимая, что тормозя, ставит себя под удар. Ведь Иван действует молниеносно. Крестному отлично была известна скорость его реакции... При неожиданном нападении на направленный в него выстрел Иван отвечал практически одновременно.

Иван понимал, что он находится не в форме. Настолько не в форме, что порою целый час выпадал у него из памяти и он не мог себе объяснить, как он оказался в том или ином районе Москвы, что его сюда привело. Вот и сейчас, очнувшись от своих тревожных мыслей о Крестном, он с некоторым удивлением обнаружил себя медленно бредущим по Проспекту Мира недалеко от ВДНХ.

«Какого черта? – подумал Иван. – Зачем меня сюда занесло?»

Так и не объяснив себе это, он пожал плечами и медленно пошел по направлению к Звездному бульвару. Широкий и зеленый Звездный был сравнительно пустынен даже в дневное время, лишь изредка навстречу попадались одинокие пенсионерки с детскими колясками и случайные прохожие, спешившие по своим делам.

Иван сел на лавку и закурил. Смутное воспоминание зашевелилось в его памяти. Он уже сидел когда-то на этом бульваре и точно так же курил. Иван посмотрел на сигарету, зажатую в его пальцах. Курил те же самые сигареты. Что в этом особенного? Он всегда курит «Winston»... Но ощущение не исчезало.

Ощутив внезапный голод, Иван встал и уверенно направился по тропинке на левую сторону бульвара, если встать спиной к ВДНХ, и поднялся по невысокому косоугору к ряду жилых домов и каких-то учреждений. Он почему-то был уверен, что сейчас увидит небольшой магазинчик, в котором продается колбаса, пиво и сыр. Пиво – «Балтика» третий номер, колбаса – «Одесская», дрянь, каких мало, а сыр – ... Этого он вспомнить не мог.

«Забыл... – подумал Иван. – Какой же мы ели тогда сыр?»

Стоп! Он даже остановился посреди узкой проезжей части прямо напротив того самого магазина, который рассчитывал увидеть. Это же Крестный покупал тогда в этом магазине и колбасу, и сыр, и пиво. К еде Крестный чаще всего нетребователен, он предпочитает есть то, что продается для всех, самое дешевое и самое доступное. Говорит, что это ностальгия по Родине. Когда он, мол, работал вдали от нее, он мечтал просто об этой колбасе, о простой советской селедке, о бутылке пива, купленной в первой попавшейся на пути торговой дыре.

Конечно, это с Крестным они сидели на той самой лавочке, на которой только что сидел Иван. Крестный пил пиво и закусывал колбасой и сыром. Иван тогда пожевал колбасы и только поэтому запомнил ее отвратительный вкус, к потрескавшемуся пересохшему сыру он не приотронулся. К пиву тоже – Крестный настаивал, чтобы Иван срочно выполнил один заказ, люди, заинтересованные в смерти бизнесмена, руководителя охранной фирмы, готовы платить за срочность. Крестный уже посылал туда двоих, но они вернулись ни с чем. Фирма охранная, директор ее бережется, подпольных заказов у него, видно, хватает, и, судя по всему, не только охраняет, но и прямо противоположные поручения выполняет. Поэтому знает, что многим поперек дороги перешел и есть кому с ним посчитаться... В конторе его столько крепких вооруженных до зубов ребят, что не пробиться просто. Гараж внутренний, выезжает он всегда только на машине, тоже с прикрытием. Короче, лажанулись пареньки Крестного, расписались в своей беспомощности. Крестный их, конечно, наказал, в очередной игре в его школе киллеров они оба сыграют роль зайцев, за которыми гонится свора охотников. Незавидная роль, но они об этом пока не знают.

«Да черт с ними, с этими сопляками, – сказал тогда Крестный, – Дело-то так и не сделано, а задаток я, понимаешь ли, взял уже. Нужно деньги отработать. На тебя вся надежда, Ваня.»

Этого директора-охранника Иван взял тогда очень просто. Он даже сейчас улыбнулся, вспомнив тот случай. Иван оделся в защитную солдатскую форму, которую специально купил для маскарада, и заявился в эту фирму прямо с улицы – с понтом – искать работу... Его чуть не выбросили на улицу прямо из дверей сначала эти крепкие вооруженные до зубов ребята... Одному он сломал переносицу, двум выдернул правые руки из суставов, вооружился их автоматами и сидел в проходной, требуя разговора с директором до тех пор, пока тот не согласился с ним поговорить. Правда, по телефону. Иван, разговаривая с самоуверенным директором, ничего не требовал, только просил взять его на работу, потому, что он только что вернулся из Чечни, где провел два года, и единственное, что он теперь умеет – это убивать других, а самому при этом оставаться в живых.

Иван, собственно, говорил правду. За исключением того, что работа ему была не нужна... Он уже давно работал – на Крестного.

Как и предполагал Иван, директора заинтересовала незаурядная личность, выведшая из строя троих его людей и сумевшая-таки добиться своего, несмотря на очевидные трудности в лице хорошо обученных охранников. Он спросил, хорошо ли Иван стреляет.

«Сносно! – ответил Иван. – Десяносто шесть из ста. С завязанными глазами.»

Это заинтересовало директора охранной фирмы еще больше. На точности стрельбы своих ребят охранников-киллеров он зарабатывал неплохие деньги. Это был его бизнес. А Иван, судя по всему, мог оказаться для него неплохим орудием производства.

Ивану назначили испытание. В стрелковом тире, который находился там же, в подвале здания, в котором располагалась эта охранная фирма. Ни на что другое Иван и не рассчитывал. Но он знал, что директор захочет лично на него взглянуть, чтобы оценить его – какого уровня задания можно давать новичку. Иван выбил двести девяносто из трехсот, показав даже лучший результат, чем на сдаче норматива по стрельбе в лагере спецподготовки... И директор пришел... Он захотел своими глазами посмотреть, на что еще способен в стрельбе этот странный человек.

Иван показал класс и директор, конечно, увлекся. Слишком увлекся... Точность стрельбы Ивана практически из всех положений и во всех условиях была близка не то что к максимальной, а к невозможной ни для кого, кто работал в этой фирме... Иван был настоящим кладом для директора... Едва речь зашла о работе, как Иван перебил директора и сказал, что автоматом владеет еще лучше чем пистолетом... Может, например, очередями написать на стене свое Имя, причем каллиграфическим почерком... Директор не смог отказаться от такого аттракциона. Иван получил в руки «калашникова» с одним магазином и ему предложили изобразить на стене хотя бы одну букву своего имени... Но этого Иван делать уже не собирался.

Он проверил автомат, пару раз выстрелил в пол, проверяя прицел, и, вскинув автомат и прицелившись, вдруг резко обернулся к собравшимся за его спиной зрителям – директору и его охране...

Четыре пули ушло у него на то, чтобы изобразить букву *i* на лбу директора фирмы, еще шестью он положил пять человек, пришедших в подвал с директором... Трое из них успели схватиться за свои автоматы, а один сумел даже выстрелить. Пули взвизгнули где-то левее головы Ивана и ушли в сторону мишени...

Это же здесь, на этом самом бульваре Иван получил от Крестного тот заказ. И отсюда же они разъехались в разные стороны – Иван – в Крылатское, где располагалась охранная контора, а Крестный...

Куда поехал Крестный?.. Он еще сказал, что ему тут недалеко и сел в трамвай, чем немало удивил Ивана... Человек, у которого хватит денег, чтобы купить все московское трамвайное хозяйство вместе с мастерскими, депо, маршрутными линиями, подвижным составом и штатом кондукторов, ездит на общественном транспорте, стараясь не выделяться из массы пассажиров...

Нет, куда он ехал, Крестный так и не сказал, он всегда – очень осторожен. Но Иван хорошо помнил, что видел, как Крестный сел в трамвай, который шел по Проспекту Мира в сторону Яузы... Иван решил покататься на трамвае, надеясь на чистую случайность...

Он увидел Крестного, едва только вошел в вагон. Крестный сидел у окна, в руках он держал буханку ржаного хлеба и, не обращая ни на кого внимания, отрывал кусочки хлеба и запихивал их в рот...

Иван застрял в дверях, пораженный этой картиной, не веря своим глазам... Крестный ел хлеб неряшливо и торопливо, роняя крошки себе на колени и запихивая большие куски пальцами за щеки...

Так не мог есть Крестный, человек, многие годы работавший на госбезопасность за рубежом, знавший несколько языков и великолепный актер... Иван смотрел на него не отрываясь, но, казалось, не замечал его напряженного взгляда. Крестный с безразличным вниманием смотрел в окно, как смотрят люди, знающие наизусть весь маршрут, ездившие по нему многое годы...

«Это не Крестный! – мелькнуло в голове у Ивана, но он тут же засомневался и в этом, он уже ни в чем не был уверен. – А вдруг это – игра? Вдруг он опять меня дурачит?.. Крестный способен притвориться кем угодно, хоть синяком, хоть премьер-министром...»

Крестного часто подводила склонность к дешевой театральности, которой никогда не страдал сам Иван. Для Ивана главным было дело, а уж как оно выглядит, ему было совершенно безразлично... Крестный же имел какую-то патологическую склонность к дешевым эффектам, в этом, наверное, выражался его страх перед убийством и презрительное отношение к тому, чем он всю жизнь занимается, вернее, чем вынужден заниматься...

«Я должен убедиться, что это он! – подумал Иван. – Я не хочу ошибиться еще раз...»

– Крестный! – крикнул он. – Эй!

Крестный вздрогнул и с испугом посмотрел на Ивана. Кусок хлеба выпал у него из рук и он зашарил у себя на коленях, не отрывая глаз от Ивана...

«Он! – подумал Иван. – Иначе, чего бы он так испугался?»

Иван полностью контролировал ситуацию. Крестный не мог сделать ни одного движения, которое ускользнуло бы от глаз Ивана... Любую его попытку сунуть руку в карман за оружием опередит выстрел Ивана... На то чтобы выхватить пистолет, Ивану требуется четверть секунды, на то чтобы после этого выстрелить прицельно – еще четверть... Вагон трамвая полупустой, никто не может ему помешать... Единственная неприятность, которая его ожидает впереди – следующая остановка. Ситуация может измениться непредсказуемо и, значит, нужно решать сейчас – убивать Крестного здесь или вести куда-то с собой...

Крестный сам решил свою судьбу... Судорожным движением он сунул руку в карман и резко встал... Это была подпись под своим смертным приговором.

Пистолет сам оказался в руке Ивана, он даже не успел подумать о нем. Вслед за коротким глухим выстрелом сразу же раздался двойной вопль пожилых женщин, у которых на глазах произошло это убийство... Они орали, сидя на своих местах, вцепившись в поручни передних сидений и не сводя с Ивана расширенных ужасом глаз... Думали, наверное, что Иван начнет сейчас мочить всех подряд.

Иван подошел к телу Крестного, упавшего обратно на сидение, вытащил его руку из кармана. В ней ничего не было. Иван залез в карман его джинсовой куртки и – ничего там не обнаружил...

Он застыл в недоумении. Чем же тогда объяснялось поведение Крестного... Зачем он сунул руку в карман? Иван пошарил еще и нащупал клочок бумаги. Он поднес его к глазам. Там был написан номер телефона: семь цифр – 293-98-31. И больше ничего...

Трамвай тормозил. Визг женщин не прекращался. Иван дождался, когда двери откроются и выпрыгнув из вагона, тут же нырнул в первую же попавшуюся дверь жилого дома... Теперь даже если милиция будет искать его след, ей придется проверить все квартиры этого дома и убедиться, что человек, застреливший в трамвае Крестного, не имеет отношения ни к одной из них... Уголовка работает всегда так – по бульдожьей... Вцепится в любое место и не разжимает челюстей. А в доме – девять этажей!

Иван через черный ход выбрался на улицу никем не замеченным и, поймав машину, поехал в гостиницу «Останкино»... Листок бумаги, который он забрал из кармана Крестного, был обрывком машинописного листа. Кроме номера телефона на нем ничего не было...

Иван уже был уверен, что опять убил не Крестного... Он и не убил бы этого человека, не сделай тот резкого движения и не сунь руку в карман... Чечня приучила Ивана сначала действовать, а уже потом рассуждать и оценивать целесообразность своих действий...

Это был явно еще один двойник Крестного... Иван почувствовал, что не сможет больше стрелять в людей, похожих на Крестного. Вовсе не потому, что убивает при этом невиновных перед ним ни в чем людей...

Ивана никогда не останавливало, если ему приходилось попутно с объектом отправить на тот свет еще пару-тройку случайно подвернувшихся под руку людей... Это издержки производства, какие есть в любом деле... Но каждый раз, когда убитый уже Крестный вновь оказывался в живых, на Ивана накатывало ощущение, что Крестный вообще неуязвим. Что он многолик и Ивану никогда не удастся перестрелять всех Крестных...

Вот и сейчас его охватило противное чувство беспомощности перед этим человеком... Иван убил уже троих, как две капли воды похожих на Крестного, одного застрелили при задержании люди Никитина... Это уже четыре! А Крестный оставался все еще жив, в этом Иван был уверен!.. Это сумасшедствие необходимо было остановить! Так он скоро начнет стрелять в каждого встречного мужчину!

Иван вновь взглянул в листок бумаги в своей руке. Номер телефона – 293-98-31... Это была зацепка, которая может вывести на настоящего Крестного... Надо проверить, что за номерок...

В гостинице Иван переоделся, привел в себя в порядок – принял душ, побрился, расчесал волосы... Затем он спустился со своего этажа на второй, где находился ресторан и круглосуточный бар. Поздоровавшись с барменом, Иван попросил у него телефон и набрал номер, обнаруженный им в кармане двойника Крестного...

Дозвонился он лишь с третьего раза, телефон постоянно был занят и отвечал Ивану короткими гудками... Наконец, в трубке раздались длинные гудки и приятный, предупредительный, но, в то же время, приветливо-холодный голос секретарши ответил:

– Рекламное агентство «Свежий ветер – новые горизонты». Дежурный менеджер Юля слушает вас. Представьтесь, пожалуйста! Назовите свою фамилию, род ваших занятий и название вашей фирмы...

«Неприменно! Сейчас я тебе представлюсь! устрою представление....» – подумал Иван и произнес вслух, слегка растягивая слова:

– Юленька, детка, меня предвыборная кампания интересует, вот это ты постарайся представить себе как следует, радость моя...

– Представьтесь, пожалуйста, – вежливо, но твердо настаивала неведомая Ивану непреклонная секретарша Юля. – И, будьте добры, сообщите мне, пожалуйста, род ваших занятий...

– Ну, хорошо, – устало вздохнул Иван. – Фамилия моя Терентьев. Род занятий – делать деньги из денег... Прочие подробности и ответы на все последующие вопросы – при личной встрече...

– Думаю, мы сможем помочь вам, господин Терентьев. Но вам придется приехать к нам на проспект Калинина. Наш офис располагается в бывшем здании СЭВ, на двадцать четвертом этаже...

Иван слышал, как кто-то ей резко что-то сказал приглушенным голосом, и тон секретарши поменялся на более любезный...

– Или лучше сделаем так, продолжала она. – Наш директор с удовольствием примет вас сегодня в восемнадцать часов пятнадцать минут в ресторане «Метелица». Это недалеко от нас... Спросите у администратора бара Елену Вольдемаровну Хофман...

– Пойдет, Юленька, – согласился Иван. – Я буду там с шести часов. Это мое обычное время... Я всегда появляюсь в «Метелице» в шесть.... К этому времени Андрюша Быков, шеф-повар, всегда готовит для меня что-нибудь экзотическое, например, бычьи яйца... Не пробовала? Восхитительный вкус... Угощу, кстати, твою начальницу... Пусть твоя директорша скажет Левику, кто она такая и что я ее пригласил... Левик проводит ко мне...

«Метелицу» Иван знал прекрасно, часто там бывал и с Крестным, и один, особенно в первые свои месяцы в Москве, когда пытался залить воспоминания о Чечне виски или коньяком. Но быстро понял, что ресторан не самое лучшее для этого место... Для этого требовалась

тихая уединенная квартира, где можно было залечь и не двигаясь, вспоминать Чечню, вставая только для того, чтобы влить в себя еще один стакан коньяка...

Администратора бара, пронырливого и корыстолюбивого до неприличия Леву Ягудина, единственного, возможно, в своем роде татарского еврея, он знал как облупленного и пользовался у того неизменным уважением, поскольку каждый раз отстегивал ему солидные чаевые... Лева готов был задницу ему каждый раз вылизывать, поскольку с одного Ивана получал столько же, сколько у него не получалось за неделю своей обычной работы...

А разговаривать с наглыми соплюшками с позиций просителя Иван очень не любил, да и образ нового русского, который он выбрал для разговора, требовал соответствующего поведения... Чтобы сразу понятно было – кто вы и где я! Кто хозяин, кто – слуга!

Соплюшка из рекламного агентства придет, в этом Иван был уверен. Он знал, какие бабки дерут за разработку и проведение предвыборных кампаний, за такие деньги они куда хочешь пойдут... Даже если в общественном туалете им встречу назначить, причем – в мужском... Придут и еще в кабинку стучаться будут!

«Рекламное агентство, значит... – подумал Иван, положив трубку и заказав себе бутылку белого сухого вина. – Посмотрим-посмотрим, какое-такое у вас рекламное агентство... Оригинальные услуги предоставляет москвичам ваше агентство...»

Два часа, оставшиеся до назначенной в «Метелице» встречи, Иван просидел в баре гостиничного ресторана, потягивая терпковатое «Бо Риваш» с изысканно-кисловатым вкусом и спокойно размышляя о том, что первый раунд в борьбе с Крестным закончен и закончен, как выяснилось далеко не в его пользу...

«Интересно, как дела у генерала Никитина? – подумал Иван саркастически улыбнувшись. – На моем счету уже трое подстреленных Крестных, а у него всего один. По очкам – я впереди...»

В голове у него крутилась какая-то хитрая комбинация, связанная с Никитиным, но до того еще неясная и расплывчатая, что Иван просто выбросил ее из головы, чтобы не терять зря времени на ее обдумывание. Впереди у него была встреча с директором рекламного агентства, которая, вполне возможно, знает немало из того, что интересует Ивана. А значит – впереди была и возможность получить какую-то информацию о Крестном. Или о его двойниках, что тоже было бы совсем неплохо...

А Никитин подождет, решил Иван, хотя он с его практически неограниченными оперативными возможностями он тоже очень даже может пригодиться, чтобы направить Крестного по ложному пути и заставить того делать ошибки. Ошибки, который будут стоить Крестному жизни...

«Никитина нужно поставить в загонщики, – решил, наконец, Иван, – А самому занять наиболее выгодный номер среди стрелков... Но это – потом. Сейчас, – Иван взглянул на часы, – пора ехать в „Метелицу“ на свидание с этой драенной козой из агентства... У нее можно узнать немало интересного про Крестного. Возможно, она даже знает, где его искать, должна же у нее быть хоть какая-то связь с заказчиком... Непременно должна...»

– Послушай, любезный! – спросил он у бармена. – Подскажи, пожалуйста, где поблизости можно купить золотую цепь килограмма на полтора...

Бармен вытаращил на него глаза, но, убедившись, что Иван не шутит, сказал ему деловитым тоном бывалого человека, который знает и умеет все на свете:

– Зачем беспокоиться, уважаемый! Посидите еще минут десять... Цепь мы доставим прямо сюда! А пока от нашего заведения позвольте угостить вас хорошим коньяком!..

Иван усмехнулся. Люди делают деньги везде и всегда, стоит им только почувствовать малейшую возможность для этого...

Этот бармен то ли грузинского, то ли армянского вида тут же учуял запах прибыли, которую можно снять с перепродажи золота... А может быть, он скупает специально цепи... Сей-

час столько гопоты убивают каждый день... Сама же гопота и убивает... Идиоты, Москвы им, что ли мало?

Взглянув на часы, Иван кивнул головой в знак согласия и перед ним на столике тотчас очутилась маленькая бутылка «Реми Мартен», блюдо с тонко нарезанным лимоном и коробка шоколадных конфет...

Бармен работал, судя по всему давно и хорошо знал вкусы людей, носящих золотые цепи... Конечно, Иван сбил его с толку, поскольку, совсем не был похож на гопника... Но спрашивал-то он ни что-нибудь, а золотую цепь, да еще весом в полтора килограмма... Поэтому, чтобы не ошибиться, бармен поставил ему коньяк, который никогда бы не сумел оценить ни один гопник, разве что – по его стоимости, и шоколад – гопота, как ни странно, любит сладенькое... Наверное, это оттого, что в детстве мало конфет ела... Теперь старается наверстать...

Иван просидел и в самом деле всего минут семь. К бармену подошел еще один человек такой же неопределенно-кавказской национальности, похожий на бармена, как две капли воды, и что-то у него тихо спросил. Бармен кивнул и подошел к Ивану...

– Ваша цепь готова, уважаемый! – сказал он. – Прикажете принести?

– Зачем? – вопросом ответил Иван.

– Как зачем? – растерялся бармен. – Смотреть не будешь?

– Что я золота что ли не видел? – хмыкнул Иван. – А если ты меня обманешь и подсунешь вместо золота какую-нибудь херню, я жаловаться никому не буду... Я тебя просто заставлю съесть эту цепь и запить ее вот этим коньяком... Естественно, – за счет заведения...

Бармен смутился и отошел к стойке. Там он что-то резко спросил у своего близнеца, почесал в затылке и вернулся к Ивану с тяжелым аккуратно упакованным в бумагу свертком...

– Не сомневайся, уважаемый! – сказал бармен. – Если что-то не так, я отвечу! Головой отвечу! Но у меня – без обмана... Обманывать – себе дороже! Мне люди всегда верят и не обижаются... В счет записать?

Иван кивнул и махнул рукой, иди, мол, я хочу еще посидеть...

Бармен ушел за стойку и принялся выписывать счет с интересом поглядывая на Ивана. На гопника тот был определенно не похож...

«Странные люди! – думал бармен. – Покупает цепь за сумасшедшие деньги и даже не смотрит, что берет... Я, конечно, рискую, но Ашот никогда туфту не подсовывает. Не должен обмануть и в этот раз... На вид – самое настоящее золото...»

Выведя в низу счета астрономическую сумму, он отнес бумажку на столик Ивану... Ашот, принесший цепь стоял у стойки, потягивая молочный коктейль и ждал свою долю от продажи золота..

Иван мельком взглянул на сумму, написанную барменом. Тот опасливо сжался, потому что зависил стоимость цепи примерно наполовину...

Он специально предложил вписать ее цену в счет, чтобы спокойно потом отсчитать свои деньги от того, что заплатит Иван и оставшиеся поделить с Ашотом... Ашот в этом случае ничего не поймет и получит раза в три меньше, чем он, бармен... Вот только бы клиент не возмутился слишком большой суммой...

Но Иван даже не обратил внимания, что полуметровая цепь стоила, словно длиной была с канат для швартовки океанского корабля... Он достал бумажник и небрежно бросил на столик пачку долларов. Еще и на чай бармену оставил... Иван знал, что бармены и официанты могут быть очень полезны в некоторых ситуациях. Когда, например, нужно узнать что-то или срочно что-то достать... Прикормленные берутся за такие поручения с радостью и ожиданием еще одной щедрой подачки... Деньги любят все, но официанты, почему-то, особенно сильно их любят...

Кроме того, Иван никогда не считал денег и платил всегда, не торгуясь, столько, сколько просил продавец... Желание быстрее достичь своей цели всегда перевешивало у него стрем-

ление к экономии денег. Да и не было у него никогда такого стремления... Раньше, в Чечне, деньги Ивану были не нужны... Там он все получал без денег.. И тогда, когда был рабом и гладиатором, и потом, когда он выбирался из этой проклятой Ичкерии, которой он объявил свою личную войну... Выбирался победителем в этой войне...

А когда Иван вернулся в Москву и стал работать на Крестного, тот платил столько, что Иван даже не знал, сколько у него денег на счетах в нескольких банках и в нескольких тайниках, разбросанных по всему городу... Деньги приходили и уходили незаметно и Иван никогда не испытывал недостатка в них...

Так и сейчас, сегодня утром, он просто поехал в один из тайников, достал несколько тугих пачек долларовых купюр разного достоинства и рассовал их по карманам... Он даже не пересчитал, сколько там было денег, лишь мельком заметил, что две пачки были из тысяче-долларовых бумажек, остальные – сотенными... Этого вполне хватит, решил Иван и перестал думать о деньгах...

Он допил коньяк, которым угостил его бармен, и не мог не признать, что коньяк, действительно, был первоклассным. В меру жестким и в то же время легко растекался во рту специфическим терпким коньячным запахом от которого слегка кружилась голова и улучшалось настроение...

Иван пил редко, особенно до смерти Нади... Но теперь ему все чаще хотелось забыть обо всем на свете и ничего не чувствовать, кроме терпкого запаха коньяка на губах... Алкоголь открывал что-то в нем, постоянно запертое, освобождал его от тисков, в которых он держал сам себя... Нередко в такие моменты к Ивану приходила Чечня, но он вспоминал ее спокойно, не испытывая той ненависти к ней, которая часто просыпалась в нем, когда он был трезв...

Иван взял тяжелый сверток с цепью и кивнув бармену, поднялся к себе в номер... Цепь оказалась настоящей... Золото матово блестело и переливалось на руке Ивана витыми кольцами цепи...

«С такой игрушкой идти по улице слишком рискованно! – подумал Иван. – Слишком много глаз ко мне она будет притягивать... Меня популярность никогда не интересовала. Придется надеть ее у самой „Метелицы“ в машине...»

Он вновь упаковал цепь, положил ее в пакет и надев специально купленный малиновый пиджак с жилеткой, вышел из гостиницы к стоянке такси...

Глава третья.

...План мероприятий по розыску Крестного и Ивана Марьева начальник аналитического отдела ФСБ Гена Герасимов подготовил уже на следующий день после встречи генерала с Иваном у высотки на площади Восстания, как и приказал ему Никитин...

План был неплох, хотя и несколько умозрителен, как и все, что выходило из головы Генки Герасимова, не отличающегося особой любовью к интуиции. Генерал Никитин одобрил его, хотя и видел все его бросающиеся в глаза недостатки. Но ничего лучшего под рукой пока не было... Найти человека, который не хочет быть найденным, в многомиллионной Москве не просто даже для ФСБ с ее практически неограниченными возможностями...

К немалому удивлению Никитина, план сработал мгновенно, и буквально на второй день наблюдения за высоткой на площади Восстания, где Крестный недавно взорвал женщину Ивана, наружка засекла мужчину, по всем приметам походящего на Крестного, который для генерала Никитина до сих пор оставался бывшим майором Комитета государственной безопасности Владимиром Крестовым, бывшим другом, единственным, пожалуй, она свете человеком, которого он искренне и глубоко теперь ненавидел...

Когда поступило сообщение о том, что Крестный обнаружен, Никитин стоял как раз «на ковре» у Президента и получал очередную накачку за слишком высокий уровень преступности в Москве... А что мог сделать Никитин, когда последнее время ситуация в Московских криминальных кругах полностью вышла из под его контроля... Иван с Крестным нарушили все его так тщательно и оригинально разработанные планы... Москва была пущена на самотек, а Никитин все никак не мог разобраться с Крестным, чтобы полностью заняться, наконец, ситуацией в Москве...

Вернее будет сказать, что генерал Никитин не стоял, а сидел за столом напротив президента, но суть происходящего от этого не менялась – ему вставляли клизму... Охрана президента освободила посетителя не только от оружия, но и от средств связи, поэтому генерал Никитин, фактически, выпал из ситуации с Крестным...

Командир особого тайного отряда «Белая стрела», специализировавшегося на терактах против лидеров преступного мира, Серега Коробов, человек скорее исполнительный, чем умный, руководствовался всегда не здравым смыслом или глубоким пониманием обстановки, как, например, Генка Герасимов, а точной формулировкой последнего приказа... А поскольку приказ об обнаружении и задержании Крестного не учитывал того, что Никитин окажется в момент обнаружения выпавшим из оперативной ситуации, Коробов решил действовать на свой страх и риск и проводить задержание самостоятельно... Но – «Коробовым хорошо дрова колоть», как не раз иронично говаривал о нем Генка Герасимов, которого Коробов в отместку называл «высоколобым». И, надо сказать, в устах Коробова это звучало настоящим оскорблением...

Едва увидев, что объект наблюдения вошел в здание высотки и испугавшись, что его люди потеряют его внутри, Коробов приказал начинать захват... Захват был его любимым мероприятием, хотя и не часто проходил удачно, если им руководил сам Коробов. Вернее сказать – в таких случаях захваты редко проходили удачно...

Никитин ничего не знал о происходящем, и сообщить ему нем было никакой возможности... Человек, который попадал к Президенту, словно выпадал из окружающей жизни на все время, пока он оставался в резиденции... Никитина сейчас все равно, что не существовало... Коробов чувствовал себя, с одной стороны, очень неуверенно, словно сирота в чужой незнакомой стране полной злых и страшных людей, а с другой, эта же неуверенность толкала его на активные, но непродуманные, а проще сказать – совершенно глупые действия... Он сам возглавил группу захвата, что не обещало ничего хорошего для исхода операции, и через три

секунды после Крестного уже врывался вслед за ним в подъезд высотки, в который тот только что вошел...

Увидев, как в дверь с улицы врываются люди в черных масках, с оружием в руках, стоящий у лифта Крестный бросил два объемистых пакета, которые держал в руках и побежал к лестнице. Из пакетов посыпались фрукты две бутылки шампанского... На бегу Крестный сорвал с себя легкий плащ и бросил в лицо Коробову, который готов был уже схватить его за плечо...

Коробов поскользнулся на подвернувшемся под ногу банане, и упал, а Крестный неожиданно прытко для своего возраста проскочил лестничный пролет, и выстрелил в барахтавшегося под его плащом на полу Коробова из неведь откуда взявшегося у него пистолета...

«Белострельцы» открыли огонь на поражение... Очередь, попавшая в грудь Крестному, отшвырнула его в угол лестничной клетки, обнаружив, что на нем надет бронежилет, зато вторая – расколотила ему череп, забрызгав стену и ступеньки лестницы кровью и мозгом...

У Коробова оказалась сломана нога, но Крестный был ликвидирован, и Никитин не стал слишком усердствовать в своем негодовании, хотя и был чрезвычайно зол, что всю операцию Коробов закончил раньше, чем Никитин смог узнать о ее начале...

Генерал созвал оперативное совещание и поставил перед Герасимовым новую задачу – опираясь на то, что Ивану не известно о смерти Крестного, использовать его для ликвидации особо сложных объектов... Таковыми традиционно считались лидеры крупнейших московских преступных группировок, живущие за границей и оттуда руководящие своими «армиями»...

У Герасимова на этот счет была своя идея, но он не стал ее пока докладывать слишком раздраженному дурацким захватом Крестного Никитину... Герасимов знал что Никитин всегда оценивает его идеи по достоинству. Главное, самому хорошо подумать и не лажануться...

Герасимов в срочном порядке разработал все же и такой план, о котором просил генерал. Никитин уже отдал приказ об установлении с Иваном связи и о начале операции «Погоня за покойником», но Иван позвонил сам и начал разговор с информации, которая не только разрушила «Погоню», но показала, что первый план провалился... Нужно было начинать все сначала...

Никитин вызвал Герасимова, наорал на него, швырнул ему в лицо его аналитические разработки и закрылся у себя в кабинете. Это было признаком ужасного настроения и черной меланхолии, в которую Никитин время от времени впадал, когда дела шли из рук вон плохо...

Герасимов прекрасно знал, что через полчаса Никитин напьется до оцепенения и раньше чем через часов десять к нему проникнуть не удастся... Между тем, план действий у него был уже готов и откладывать его реализацию на пол-суток не имело никакого смысла. Но без санкции Никитина начинать было рискованно. Можно было угодить в ту же самую лужу, в которую только что попал Коробов.

Поэтому Гена ринулся в приемную генерала, стараясь не думать о настроении генерала...

Секретарша Никитина Верочка, сорокалетняя церберша, верой и правдой служившая десятку начальников кабинета, занимаемого сейчас Никитиным, к генералу относилась с пылкой нежностью и преданностью старой девы, которую всего несколько месяцев назад пьяный в стельку генерал перегнул через спинку кресла, содрал с нее трусы и лишил девственности, возбужденный избытком разыгравших в нем паров своего любимого французского коньяка «Корвуазье». У Верочки все еще продолжался тот ее «медовый месяц», хотя генерал ее больше не замечал и только когда бывал слишком пьян, разрешал ей расстегивать ему ширинку и усердно массировать руками и губами свой вялый член. Впрочем, эти ее усилия ни разу так и не увенчались успехом.

Но надежды Верочка не теряла и продолжала свои попытки едва только генерал в очередной раз доходил до кондиции. Поэтому она зорко следила за его настроением и, едва замечала, что Никитин уединяется в кабинете с «Корвуазье», как тут же спешила оградить его от

ненужных посещений подчиненных и вновь попытаться вклинить в его тет-а-тет с французским коньяком...

Перед Герасимовым стояла, таким образом, нелегкая задача – пройти кордон из возбужденной, но неудовлетворенной женской плоти (назвать Верочку женщиной, у него язык не поворачивался) и проникнуть к не успевшему еще накачаться коньяком генералу. Про то, что прежде всего Никитин начнет орать и грозиться всяческими карами, Герасимов старался не думать... Ему нужно было дело делать, а то потом, проспавшийся Никитин с него же и спросит за бездействие... Такое уже бывало...

– Нет! – крикнула гневно Верочка, едва увидя в приемной Герасимова и заслонила дверь в кабинет спиной. Для пущей убедительности она раскинула руки и стала похожей на распятие. – Не пушу! Он не примет никого! Дайте же вы отдохнуть человеку, скоты! Вы же его в гроб скоро загоните этой работой! Одни шпионы и бандиты на уме! Отойди от двери! Все равно – не пушу!

«Да, Никитин, – подумал Герасимов, – только на такого мужика как ты – абсолютно не интересующегося женщинами, мог свалиться такой подарок... Как же мне-то с ней справиться?»

Конечно, можно было повторить сексуальный подвиг генерала Никитина, но Гена понял, что у него ничего не выйдет. Верочка была страшна, как смертный грех, и только фигура у нее была сравнительно неплоха для ее лет... Но... это слишком на любителя... Настолько любителем Генка Герасимов не был, а своей физиологией Герасимов управлять не умел. Верочка в его глазах не давала никакого повода вспоминать о разделении полов, существующих, как он знал наверняка, у вида «гомо сапиенс»...

«Единственное, на что меня хватит, – решил, наконец, Герасимов, – это на молниеносную атаку а ля Чапаев. Вперед, Гена! И не оглядывайся!..»

Он медленно подошел к распластанной по двери секретарше, стараясь не смотреть ей в лицо, глубоко вдохнул и схватив за острые костлявые плечи, впился своими губами в ее губы...

Сразу закричать она не смогла, а через пять секунд он понял, что кричать она уже и не хочет. Губы ее разжались и острый чувственный язычок начал пробиваться к Герасимову в рот, сквозь зубы... Генка в ужасе застыл, но потом взял себя в руки и осторожно повернул Верочку лицом к двери, поменявшись с ней местами...

Выждав, пока она начнет задыхаться, он быстро оторвался от ее губ и, пока она переводила дух, быстро юркнул за дверь...

«Ну, все, Никитин, – брезгливо подумал он, тщательно вытирая губы носовым платком, – теперь у тебя есть соперник... Но, я думаю, стреляться из-за нее мы, пожалуй, не будем... Я тебе с удовольствием уступлю это сокровище. Владей!..»

Никитин был еще сравнительно трезв. Перед ним на столе стояла бутылка коньяка, опорожненная только наполовину. Он как раз допивал второй стакан, и появление Герасимова заставило его поперхнуться и закашляться... Никитин грохнул стаканом о свой стол. Коньяк выплеснулся на крышку стола и растекся лужицей.

– Ты, аналитик-паралитик! – заорал на Герасимова Никитин, едва прокашлялся. – Какого хрена тебе от меня нужно?! Ты уже выказал все свои способности, – подставил мне куклу вместо Крестного! Ты должен сейчас у себя в кабинете, тереть свой паршивый зад о свой паршивый стул и думать, как нам взять Крестного! Чего ты ко мне приперся? Клизму я тебе давно не вставлял? Анальное отверстие зачесалось? Ну, так сейчас вставлю. Снимай штаны. Есть за что! Голова отдыхает, пусть зад за нее работает!.. Сейчас тебе мало не покажется...

Генерал начал скрести у себя на поясе, где у него обычно висела кобура, но Герасимов видел, что Никитин снял пояс и кобура с пистолетом валяется рядом со столом на полу...

Герасимов знал, что когда Никитин в таком состоянии, с ним нужно разговаривать нагло и грубо, иначе просто не сумеешь пробиться. К тому же Генка Герасимов был зол на Никитина

за то, что пришлось проникать в его кабинет со столь идиотскими трудностями... Поэтому в ответ генеральскому окрику он тоже заорал.

– Ты скоро ссать коньяком начнешь, пьяная морда! Я должен буду целые сутки вместо тебя руководить управлением, пока тебе эта мегера член сосать будет! Хочешь с должности полететь? Давай! Я, ведь, давно мечтаю твой кабинет занять... Обо мне давно такой слух по всему управлению ходит...

Никитин сразу протрезвел... Нет, не от совершенно глупой угрозы своего заместителя. Генерал Никитин прекрасно знал, что Генка, и правда, метит на его место, но сам себя считает не готовым пока к этой должности... Но! Если Генка начинает на него орать, значит, пришел он с чем-то важным... А важным сейчас может быть только то, что связано с его старым другом Владимиром Крестовым-Крестным. Или с Иваном Марьевым, что, практически, одно и то же... Но и то и другое требовало внимания...

– Когда ты займешь мое место, – сказал Никитин уже спокойно – первый твой приказ будет об увольнении секретарши. Интересно на кого ты ее поменяешь? На какую-нибудь шикарную блондинку? Или ты предпочитаешь серых мышек? Говорят, что в постели они бывают очень даже не скромницами, а совсем наоборот...

– Посажу кого-нибудь из молодых лейтенантиков из своего отдела, – ответил Герасимов тоже спокойно. – У меня есть толковые ребята... Думаю, с должностью секретаря любой из них справится...

– И дашь повод всем острякам в управлении для шуток о твоей ориентации... – усмехнулся генерал. – Ладно! С чем пришел? Я же вижу, что не пустой! Выкладывай, раз уж прорвал оборонительные рубежи...

– Считаю совершенно нецелесообразным откладывать начало операции «Погоня за покойником». Но она требует единственной поправки, которая, правда, в корне меняет ее смысл и содержание...

– Какой еще поправки? – спросил Никитин, не любивший на ходу ни принимать планы, ни изменять свое уже принятое однажды решение....

– Нужно изменить ее название. Например так – «В далекий край товарищ улетает»... Или еще проще – «Разлука, ты, разлука»...

– Это кого же ты у нас разлучать собрался? – Никитин все же был несколько не трезв и плохо поспевал за трезвой мыслью своего заместителя-аналитика. – Разлучник хренов? Слушай! Во! Разлучи-ка ты меня с этой дурой, что у дверей моего кабинета сидит! Осточертела она мне хуже горькой редьки... Век буду благодарен!

Герасимов пропустил всю пьяную болтовню мимо ушей и перешел непосредственно к делу, за которым прорвался в кабинет генерала:

– Крестного с Марьевым я собрался разлучать... Только у меня есть некоторое уточнение по поводу наших интересов за границей... По-моему, Марьева нужно срочно нацеливать на ликвидацию Василя, который живет сейчас в Лозанне. Он хоть и не руководит оттуда ни одной группировкой в Москве, но оставить его в покое мы тоже не можем... Это вопрос, если хотите, политический! За ним слишком большой должок перед нами... Василь так и не заплатил нам за то, что мы закрыли глаза на ограбление ювелирной мастерской алмазного фонда и увез все камушки за границу. О нем сейчас по Москве легенды ходят – как он надул ФСБ, то есть нас с тобой, Никитин... Сделать это нужно срочно, пока Иван не нашел Крестного раньше нас... А он ищет его очень интенсивно. Серьезно ищет... И, я бы сказал, эффективно. Эффективнее нас ровно в три раза...

– Не понял!... – с вызовом сказал генерал. Ко всему, что касалось Крестного, он относился очень и очень ревностно...

– Выкладывай, что молчишь! – прикрикнул он на Герасимова и тот по тону понял, что теперь Никитин кричит серьезно, ему действительно, не терпится услышать от Герасимова новую информацию о Крестном...

– Сегодня в оперативной сводке МВД мелькнули несколько трупов... Я через общегородскую ведомственную компьютерную сеть выловил фотографии убитых... На двоих из них – Крестный...

– Как это – на двоих? – не сразу сообразил генерал Никитин.

– Так вот... Так же, как мы с Иваном еще двоих подстрелили...

– Опять Иван? – спросил Никитин и нахмурился, ему совершенно не нравилась активность Ивана в поисках Крестного...

Герасимов пожал плечами.

– Кто же еще? Эти люди умерли только потому, что похожи на Владимира Крестова. Первый случай – пенсионер, в советское время – директор маленького заводика на окраине Москвы, не помню точно какого, что-то вроде изготовления музыкальных инструментов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.